КНИГоИЗДАТЕЛЬСТВО
ЗАРЕВО

ВИЛЬГЕЛЬМЪ КРОВАВЫЙ.

Вильгельмъ Кровавый.

ОНЪ!

ВИЛЬГЕЛЬМЪ
КРОВАВЫЙ.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ —
ДУШЕВНОБОЛЬНОЙ.

ЕГО СУДЬБА.

МОСКВА. 1914 г.

МОСКВА.
Т-во Типо-Литографіи И. М. Машистова. Большая Садовая, с. д.
1914.

Это было 4-го октября 1914 года...

На сорокъ восьмой день войны...

Въ Кобленцѣ.

Маленькій нѣмецкій городокъ... Такой мирный, веселый и скромный.

Широкія улицы, широкіе тротуары... Много зелени и много солнца. Зелень уже расцвѣтилась желтыми и красными пятнами. Багровымъ пламенемъ рдѣютъ на солнцѣ широко-лапчатые вино-

градные листья на пышныхъ шпалерахъ, окутывающихъ стѣны домовъ. А дубъ еще зеленъ и зеленъ еще каштанъ.

Въ природѣ все обстоитъ такъ, какъ должно обстоять въ этихъ краяхъ въ погожій октябрьскій день. И дома также уютно чисты и вывѣски также блестятъ зазывающимъ яркимъ золотомъ надписей и эмблемъ.

Все такъ, какъ всегда бываетъ и какъ должно быть всегда.

Но все живое,—не только люди, но даже животныя—явственно вышли изъ точно очерченнаго этой ласковой природой и этимъ спокойнымъ бытомъ круга существованія.

Только что перебѣжавшая главную улицу собаченка, несомнѣнно, чувствуетъ ту же нервную не то праздничную, не то жуткую тревогу, какъ и этотъ толстый булочникъ: уже полчаса, какъ онъ забылъ о своемъ товарѣ и о своихъ покупателяхъ и нетерпѣливо топчется на краю тротуара, поминутно поворачивая шею влѣво и пристально вглядываясь вдоль пустой улицы. Собаченка, перебѣгая улицу, приняла такой притворно-дѣловитый видъ и такъ проворно прошмыгнула между ногами толпившихся на тротуарѣ людей, что, несомнѣнно, и она жутко чувствуетъ страшный переломъ жизни, зажегшій лихорадочнымъ блескомъ глаза людей и заставившій ихъ часами стоять по краямъ этой странно пустой улицы и ждать, ждать, ждать того человѣка, въ глазахъ котораго они съ мучительной тревогой, хотя, быть можетъ, безсознательно будутъ ловить отвѣтъ на мучащій всѣхъ вопросъ.

Въ толпѣ стоитъ смутный говоръ... Общительный веселый малый—по бѣлому халату и необыкновенно тщательно раздѣланному пробору, несомнѣнно, парикмахеръ — разсказываетъ, что онъ видѣлъ *его* десять разъ. Его внимательно и жадно слушаютъ. Маленькая дѣвочка давно уже дергаетъ за рукавъ тучнаго бѣлобородаго старика и надоѣдливо однотоннымъ голоскомъ пристаетъ къ нему: „Дѣдушка, а дѣдушка, онъ верхомъ поѣдетъ? Дѣдушка, онъ самый сильный? Дѣдушка, у него большая сабля?“ Старикъ нетерпѣливо отмахивается. Онъ весь поглощенъ разсказомъ парикмахера.

Немного дальше стоитъ группа бѣдно одѣтыхъ женщинъ, простоволосыхъ, съ сѣрыми лицами, обглоданными нуждой и горемъ. Одна изъ нихъ, высокая худая старуха, горячо и громко говоритъ, подчеркивая свои слова энергичными взмахами правой руки, держащей большой, но почти пустой веревочный мѣшокъ для провизiи. Лѣвая рука занята; за нее цѣпляется карапузъ лѣтъ шести; онъ сосредоточенно старается ударить башмакомъ

въ кузовъ ручной телѣжки, въ которой заливаются неистовымъ плачемъ два удивительно похожихъ другъ на друга и непомѣрно лопоухихъ младенца. Дѣти могутъ развлекаться и кричать, сколько имъ угодно: никто не обращаетъ на нихъ вниманія. Женщины, не отрываясь, слушаютъ страстную рѣчь старухи и поддакиваютъ ей односложными восклицаніями, кивками и глубокими вздохами.

А старуха говоритъ, что дальше такъ невозможно жить, что война должна скорѣе кончиться...

„Развѣ это возможно, Господи Боже мой! Что же это! Мужчины всѣ ушли, картофель подорожалъ на двадцать пфениговъ, самая плохая сѣрая булка стоитъ столько же, сколько раньше стоилъ пряникъ. Ей Богу! А фабрики закрыты, или работаютъ по два, по три дня въ недѣлю... Чѣмъ же тутъ кормиться? У меня вотъ семеро внуковъ на рукахъ, малъ-мала меньше... Нѣтъ, надо скорѣй кончать войну. Пусть кайзеръ скорѣй всѣхъ побѣдитъ, а то терпѣть стало невозможно. Вѣдь это что? А ранено сколько, а убито...“

И старуха начинаетъ выкликать ругательства, понося французовъ, англичанъ и этихъ ужасныхъ русскихъ... И снова, и снова въ ея иступленныхъ рѣчахъ повторяется нетерпѣливо требовательное и въ то же время полное непоколебимой вѣры: „Пусть кайзеръ скорѣе всѣхъ побѣдитъ!“

А улица совершенно пуста.

И не то, чтобы движеніе по улицѣ было запрещено. Ничего подобнаго. Но никому не приходитъ въ голову проѣхать или пройти по освѣщенной мягкимъ осеннимъ солнцемъ гладкой и до лоска

чистой мостовой. Словно улица молчаливо признана священной, словно на нее наложено какое-то заклятіе.

Чѣмъ дольше тянется время, тѣмъ оживленнѣе и громче гомонъ толпы. Слышны даже отдѣльныя восклицанія на противоположномъ тротуарѣ.

Но вотъ вдали послышался необыкновенно отчетливый и рѣзкій звукъ автомобильнаго гудка: тра-тра-та! Три ноты. Горделивыя и повелительныя, какъ сигналъ военной трубы...Тра-тра-та! донеслись издали эти три ноты, и толпа мгновенно затихла, замерла.

Всѣ сплотились стѣной у окраинъ тротуаровъ, и слегка поблѣднѣвшія лица напряженно повернулись влѣво, откуда все отчетливѣе и рѣзче, все громче и повелительнѣе доносился автомобильный сигналъ...

И вотъ безмолвно дрогнула толпа, словно самый воздухъ беззвучно дрогнулъ.

Вдали показался автомобиль. Онъ катился почти безшумно, этотъ громадный открытый бѣлый автомобиль съ большимъ одноглавымъ чернымъ орломъ впереди на щитѣ мотора. И только когда онъ совсѣмъ приблизился, сталъ слышенъ ритмичный шумъ машины. Какъ видѣніе, какъ призракъ въ мертвомъ городѣ несся бѣлый автомобиль по пустой улицѣ между двумя неподвижными

Онъ сердится...

рядами безмолвныхъ блѣдныхъ людей. Спокойны были только два лица: шоффера и его помощника; двигались только ихъ руки, украшенныя желтыми перевязями, испещренными маленькими черными одноглавыми орлами. Но страшно блѣдно, мертвенно блѣдно было полное, круглое лицо извѣстнаго генерала, трагическое и смѣшное подъ слишкомъ маленькой щегольской остроконечной каской.

А лицо сидѣвшаго рядомъ съ нимъ было страшно. Бѣшеный гнѣвъ сверкалъ въ голубыхъ глазахъ. Бѣловато желтые усы, клыками закрученные кверху, были еще приподняты судорожно вздернутой верхней губой, обнажившей зубы. Онъ былъ въ фуражкѣ съ двумя кокардами. Въ сѣровато-синемъ пальто...

Быстро промелькнулъ бѣлый автомобиль. Ни одного крика, привѣтственнаго или радостнаго, не раздалось изъ ошеломленной толпы.

Ея грозный повелитель сердился. И жутко повѣяло на этотъ маленькій мирный городокъ отъ мимолетнаго видѣнія царственнаго бѣшенства.

Они не поняли, эти ослѣпленные люди, но почувствовали, что побѣдитель и завоеватель не сердится такъ... Толпа ждала увидѣть человѣка, вызвавшаго на бой весь міръ, человѣка, который долженъ быть больше, чѣмъ человѣкомъ, безстрастнымъ, какъ боги, какъ Александръ, какъ Цезарь, какъ Наполеонъ.

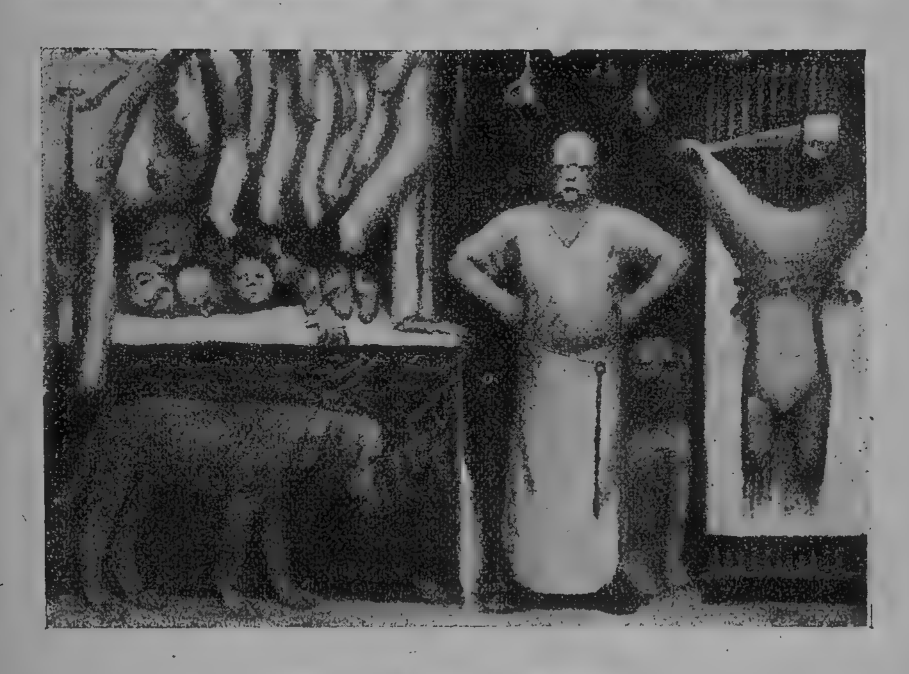
А въ бѣломъ императорскомъ автомобилѣ 4-го октября 1914 года проѣхалъ взбѣшенный шестидесятилѣтній человѣкъ. Только человѣкъ.

Такъ кто же онъ, кто же этотъ человѣкъ, дерзнувшій принять на себя кровь и слезы милліоновъ?

Вильгельмъ кровавый.

О кронпринцѣ Вильгельмѣ при жизни его дѣда и въ короткое царствованіе его отца говорили немного: его почти не знали за узкими предѣлами прусскихъ военно-придворныхъ круговъ.

Имъ заинтересовались, правда, очень рано, тогда еще, когда былъ живъ Вильгельмъ I, и повсемѣстно просочились печальныя вѣсти о смертельной и неизлѣчимой болѣзни его сына. Кто этотъ молодой

„Мясникъ“—рис. **Вебера.**

„Мясникъ“—Бисмаркъ, достойный учитель достойнаго ученика.

принцъ, будущій повелитель Германіи?—спрашивали нѣмцевъ. И серьезные люди неизмѣнно отвѣчали одно: „очень скромный молодой человѣкъ".

„Скромный молодой человѣкъ", вступивъ на престолъ, сразу, однако, зарекомендовалъ себя двумя рѣзко характерными чертами, ничего общаго со скромностью не имѣющими: почти болѣзненнымъ стремленіемъ „дѣлать шумъ вокругъ своего имени" и безграничнымъ честолюбіемъ.

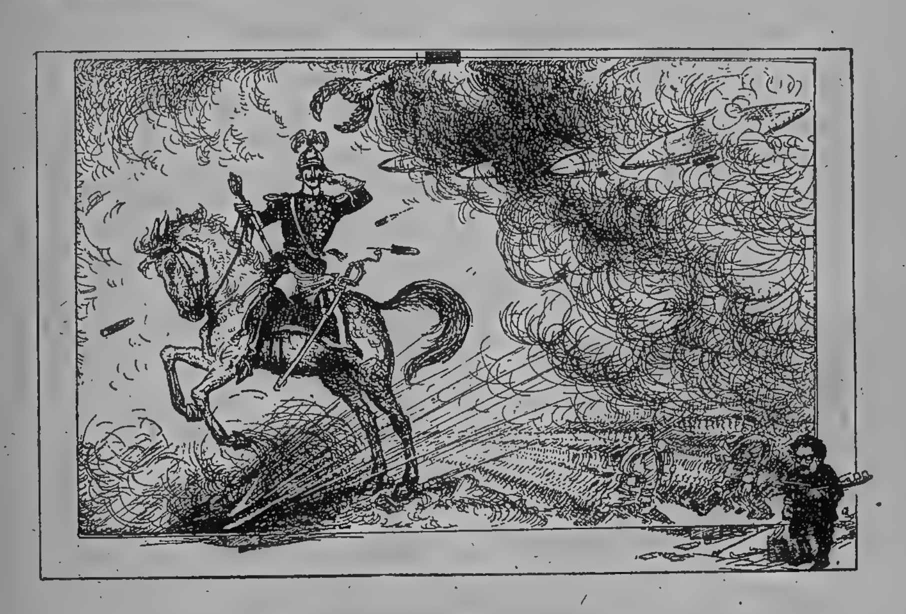
Черты эти остались въ немъ навсегда и лишь усилились съ годами.

Честолюбіе Вильгельма ревниво. Оно допускаетъ только подчиненныхъ, а не сотрудниковъ, не помощниковъ. Деспотичный и до болѣзненности самоувѣренный, онъ не могъ успокоиться, пока не удалилъ Бисмарка, „застившаго ему солнце". Хотя, по смерти желѣзнаго канцлера, онъ и сказалъ: „я второй разъ потерялъ дѣда",—но „дѣда" этого онъ способенъ былъ переносить и даже чтить—только какъ реликвію, а отнюдь не какъ руководителя.

Императоръ все дѣлаетъ самъ. Въ томъ числѣ и рекламу. Это—несчастье для его канцлеровъ и министровъ. Самыя осторожныя и хитро задуманныя дипломатическія комбинаціи не разъ подвергались опасности изъ-за внезапнаго личнаго выступленія императора: рѣчи, письма, телеграммы. Анекдотическая исторія его царствованія богата этими эпизодами, доходившими иногда до скандальной остроты.

Изъ стремленія къ владычеству, къ первенству во всемъ и всегда вытекли безконечные, почти

комическіе эпизоды пробы императоромъ своихъ силъ во всѣхъ, кажется, отрасляхъ человѣческой дѣятельности.

Вильгельмъ-Завоеватель.
Въ изображеніи его придворнаго художника.

Люди пишутъ музыкальныя пьесы; какъ же германскому императору не быть и здѣсь первымъ среди первыхъ? И Вильгельмъ пишетъ „Гимнъ Эгиру" и создаетъ „вмѣстѣ съ Леонкавалло" оперу „Роландъ".

Люди строятъ зданія: Вильгельмъ по „собственнымъ соображеніямъ" исправляетъ средневѣковые проекты Кельнскаго собора и портитъ дивное созданіе вѣковъ своей достройкой.

Августъ нашелъ Римъ деревяннымъ, и оставилъ его мраморнымъ: Вильгельмъ „украшаетъ" Бер-

линъ, по собственному плану и чуть ли не наброскамъ, безвкуснымъ каменнымъ „барабаннымъ маршемъ“—„Аллеей Побѣды“: истинно-юнкерскимъ произведеніемъ славословящаго искусства.

Германскій императоръ—проповѣдникъ и пасторъ, германскій императоръ — архитекторъ и скульпторъ, германскій императоръ—музыкантъ и живописецъ.

Почти Петръ Великій. И мореплаватель и плотникъ. Но отъ Великаго Петра его отличаетъ не только отсутствіе генія, но и отсутствіе простой послѣдовательности. Это человѣкъ, который обуреваемъ мощными желаніями и обладаетъ недю-

Вильгельмъ Завоеватель вступаетъ въ лондонскій Тауэръ — собственноручный рисунокъ императора Вильгельма. Злые языки увѣряютъ, что этотъ рисунокъ созданъ былъ въ связи съ мечтой его вступить завоевателемъ въ Лондонъ.

жинной энергіей. Качество же и цѣлесообразность его побужденій—оцѣниваются имъ слабо и почти непроизвольно.

. . . .

Природа бываетъ иногда зло насмѣшлива. Одна изъ самыхъ злыхъ шутокъ природы—небольшой ростъ императора Вильгельма. Болѣзненное человѣколюбіе настолько преобладаетъ надъ всѣми другими чертами его характера, что лишаетъ его способности различать даже смѣшное. Императору хочется первенствовать во всемъ и поэтому онъ желаетъ быть не только великимъ, но и высокимъ. Посмотрите на всѣ его портреты. Всѣ снимки разсчитаны такъ, чтобы Вильгельмъ производилъ впечатлѣніе человѣка высокаго роста.

Безудержный честолюбецъ нашелъ благопріятную среду для развитія основныхъ свойствъ своего характера въ общей маніи величія, охватившей Германію послѣ побѣды надъ Франціей. Энергичный и неутомимый работникъ, Вильгельмъ пріобрѣлъ рѣдкую популярность въ своей странѣ именно потому, что отрицательныя черты его совпадаютъ съ современнымъ искаженіемъ германскаго народнаго духа.

Одобреніе всей Германіи было съ нимъ, когда онъ произносилъ свои кичливыя рѣчи о бронированномъ кулакѣ, когда онъ грозилъ поочередно Россіи, Франціи и Англіи германскимъ мечомъ.

Германія иногда сердилась на своего кайзера, когда онъ необдуманно попадалъ въ болѣе или менѣе смѣшныя положенія, но скоро забывала его промахи, чтобы восторженно рукоплескать его

удачамъ, хотя бы такого сомнительнаго моральнаго свойства, какъ сближеніе съ краснымъ султаномъ во время армянской рѣзни.

Въ 1900 году, во время боксерскаго возстанія, императоръ Вильгельмъ чувствовалъ себя почти „Агамемнономъ", вождемъ монарховъ, вождемъ всей Европы. Убили его посланника въ Пекинѣ, и онъ добился назначенія своего генерала, покойнаго фонъ-Вальдерзее, главнокомандующимъ союзныхъ войскъ. Правда, германскій генералъ опоздалъ, пріѣхалъ въ Китай, когда все въ сущности было уже сдѣлано, но ореолъ главенства остался. Въ моментъ упоенія величественной ролью вождя всей Европы, Вильгельмъ не могъ, конечно, воздержаться отъ „красиваго жеста". Онъ сдѣлалъ ихъ нѣсколько. Но самымъ характернымъ и особенно любопытнымъ теперь, въ связи съ его самоубійственнымъ вызовомъ всей Европѣ, съ безумнымъ нападеніемъ на всю европейскую культуру,—слѣдуетъ признать нарисованную имъ тогда аллегорическую картину. Европа зоветъ всѣхъ объединенныхъ сыновъ своихъ на борьбу съ „желтой опасностью". „Народы Европы, берегите ваши священныя блага!" Эта собственноручная подпись подъ картиной должна быть обновлена въ нашей памяти теперь, когда народы Европы встали за свое лучшее достояніе, за свою культуру не противъ мнимой желтой опасности, а противъ реальной угрозы германскаго гнета, олицетворенной въ императорѣ Вильгельмѣ.

Слабости и смѣшныя стороны характера германскаго императора подмѣчены уже давно. Много-

много лѣтъ уже европейская юмористика привыкла изощряться за счетъ повелителя Германіи.

„Народы Европы, берегите ваши священныя блага!“
Картина Вильгельма.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ одномъ заграничномъ журналѣ былъ напечатанъ приблизительно такой дневникъ императора Вильгельма.

Воскресенье. (На палубѣ „Гогенцоллерна“.) Сейчасъ совершилъ богослуженіе для моихъ матросовъ. Между германскимъ народомъ и Богомъ не долженъ стоять никто, кромѣ его императора. Произнесъ на эту тему проповѣдь. Всѣ очень тронуты и кричали „ура“. Мой морской министръ сказалъ мнѣ, что до сихъ поръ онъ былъ невѣрующимъ, а теперь почувствовалъ раскаяніе и

Война съ Германіей — война противъ войны.

Рука милитаризма — рука Вильгельма

увѣровалъ. Вечеромъ составлялъ планъ войны съ Англіей. Итальянскій флотъ соединяется съ австрійскимъ, турецкимъ, румынскимъ и болгарскимъ на второй день мобилизаціи. На четвертый день—уничтоженіе французскаго флота въ водахъ Корсики. Шестой и седьмой день—бомбардировка Тулона и Марселя. Одновременно мой балтійскій флотъ, соединившись со шведскимъ флотомъ, занимаетъ проливы, бомбардируетъ Копенгагенъ, проходитъ на востокъ, уничтожаетъ русскія эскадры и забрасываетъ бомбами Либаву, Виндаву, Ригу, Ревель, Або и Гельсингфорсъ. На 22-й день мобилизаціи первый бой съ средиземной англійской эскадрой; молніеносная побѣда, бомбардировка Гибралтара, капитуляція. Черезъ три дня англійскій флотъ взятъ между двухъ огней; рѣшительный бой, побѣда; вопросъ о дессантѣ и торжественномъ вступленіи въ Лондонъ обдумать. Завтра принимаю гостей: англійскихъ моряковъ. Рѣчь о братствѣ великихъ родственныхъ націй: германской и англосаксонской. Обдумать, возможенъ ли союзъ съ Соединенными Штатами. О, тогда бы на 14-й день мобилизаціи... Пошлю завтра сѣверо-американскому послу свой портретъ. Надпись: „императоръ Германіи—представителю великой родственной націи".

Понедѣльникъ. Вагнеръ—великій музыкантъ. Я вчера слушалъ его „Лоэнгрина". Прекрасно схваченъ рыцарскій духъ германской расы. Всѣ великіе люди были нѣмцами. Аттила былъ, несомнѣнно, германцемъ. Гуннъ, Гуннаръ, Gunst—милость; гунны—тевтонское племя. Нѣмцы уже разъ

завоевали міръ. Надо поставить памятникъ Аттилѣ. Вечеромъ сдѣлаю набросокъ. Пока надо принять канцлера. Я вчера послалъ телеграмму китайской императрицѣ; высказалъ надежду, что Китай оцѣнитъ мою работу въ пользу мира и поэтому отдастъ намъ концессіи въ долинѣ Желтой рѣки. Канцлеръ ворчитъ. Да, о музыкѣ; я набросалъ гимнъ, который воодушевитъ всѣхъ нѣмцевъ. Я его назвалъ гимномъ Эгиру.

Вторникъ. Великіе монархи средневѣковья строили вѣковѣчные храмы. Нѣмецъ никого и ничего не боится. Нѣмцу всѣ и все по плечу. Велѣлъ принести чертежи Кельнскаго собора. Прикажу достроить. Но надо немного прибавить вышину башенъ. Пусть говорятъ потомки, что башни Кельнскаго собора, построенныя Вильгельмомъ Завоевателемъ, грозно, какъ смотрѣлъ онъ самъ, глядятъ къ западу на границы Францiи и къ сѣверу на море. Будущее Германiи на моряхъ.

Среда. Передъ завтракомъ думалъ о роли женщины въ современномъ обществѣ. Все глупости. Женщина должна знать только дѣтскую, кухню и церковь. А всѣ эти соціалъ-демократки и суффражистки—глупость и недомысліе. Надо обратить вниманіе на платья фрейлинъ. Запретить корсеты и узкія юбки. Утромъ говорилъ съ канцлеромъ; находитъ, что мнѣ не слѣдовало посылать привѣтственной телеграммы султану по поводу уничтоженія курдами 17.000 армянскихъ революціонеровъ. И эти люди думаютъ, что умѣютъ дѣлать политику! Старикъ Бисмаркъ дѣлалъ иначе. Посылаю инструкцію послу относительно концессій

въ Малой Азіи. Въ 17-мъ артиллерійскомъ полку у солдатъ плохо отчищены каски; вѣроятно, командиръ гуманничаетъ. Результатъ свободы печати. Нельзя ли запретить печатать о дѣлахъ офицеровъ, обвиняемыхъ въ истязаніяхъ солдатъ. Гогенцоллерны всегда поддерживали дисциплину палкой.

Четвергъ. Новый вальсъ для придворныхъ баловъ законченъ. Надо бороться съ современной распущенностью. Днемъ ѣздилъ на охоту къ принцу Генриху. Затравили кабана. Я прикончилъ его рогатиной. Горячая кровь брызнула ключомъ. Гогенцоллерны никогда не боялись крови. За завтракомъ говорилъ съ кронпринцемъ о войнѣ на два фронта. Мальчикъ еще выростетъ. Послалъ телеграмму въ Корфу, чтобы изъ моего дворца выкинули статую Гейне. Покойная императрица Елизавета преклонялась передъ памятью этого франкфуртскаго еврея. Революціонеры—ничтожество. Я даже не читалъ его сочиненій. Баронъ фонъ-Трептовъ вполнѣ правъ, когда говоритъ, что книги такихъ „знаменитостей“ слѣдовало бы сжечь рукой палача. Вечеромъ буду говорить въ ратушѣ по случаю побѣды надъ гереросами. Надо воодушевить добрыхъ бюргеровъ и попугать французовъ.

Пятница. Добрый императоръ Францъ-Іосифъ боленъ. Онъ старъ и дряхлъ. Сочувственная телеграмма эрцгерцогу. Въ Австріи слишкомъ много славянъ. Обдумать мѣры борьбы. Трудная задача. Много дѣтей. Принять мѣры къ увеличенію рождаемости въ нѣмецкихъ семьяхъ. Обдумать. Опять говорилъ о войнѣ. Морской министръ, по совѣту

Мольтке, настаиваетъ, чтобы рѣшительную побѣду на морѣ одержать не на 22-й, а на 17-й день мобилизаціи. Вечеромъ игралъ по этому поводу въ морскіе шахматы. Для побѣды не хватило двухъ фигуръ. Переговорить съ канцлеромъ о постройкѣ новыхъ судовъ; — рейхстагъ въ случаѣ надобности распустить. Послѣ обѣда далъ аудіенцію англійскому послу. Онъ опять говорилъ о пріостановкѣ морскихъ вооруженій; я просилъ передать премьеръ-министру, что вѣчный миръ—моя любимая мечта. Произвелъ въ полковники майора фонъ-Притвица. Вторую недѣлю на него лаетъ вся либеральная свора за то, что онъ велѣлъ побить какихъ-то двухъ француженокъ въ Мюльгаузенѣ, громко сказавшихъ въ кафе, что Парижъ красивѣе Берлина и что нѣмки не умѣютъ одѣваться. Когда я объявлю войну Россіи, пошлю его въ оккупаціонномъ отрядѣ. Это настоящій германецъ. И внуки побѣжденныхъ будутъ дрожать, слыша его имя.

Суббота. Рѣшилъ поставить памятники всѣмъ моимъ предкамъ и назвать это сооруженіе „Аллеей Побѣды“. Мы, Гогенцоллерны—гордость Германіи. Намъ суждено владычество надъ міромъ. Въ свое время этотъ рядъ памятниковъ будетъ центромъ міра, какъ нѣкогда императорскій форумъ въ Римѣ. Это будетъ при моей жизни. „Аллея Побѣды“ будетъ прекрасна. Я пересмотрѣлъ портреты: мои предки, къ счастью, очень симметричны. Иначе, конечно, и быть не могло. Духъ Гогенцоллерновъ не терпитъ безпорядка во внѣшности. Кнауфъ закончилъ портретъ. Прекрасно. Я очень грозенъ“.

Это, конечно, шаржъ. Но добросовѣстный шаржъ.

Вильгельмъ германскій нарисованъ здѣсь во весь свой небольшой ростъ.

Годъ за годомъ, день за днемъ Вильгельмъ наполнялъ Европу трескучимъ шумомъ своего величія. И, надо ему отдать справедливость, онъ умѣлъ поддерживать миражъ германской мощи. Во многихъ случаяхъ императоръ дѣйствововалъ подобно извѣстному воителю изъ обошедшаго всѣ русскія сцены опернаго шаржа: онъ провозглашалъ: „Я васъ завоевалъ!“ А ему вѣрили и покорялись. Долгіе годы надъ судьбами Европы тяготѣла своенравная и порочная воля этого честолюбца. Долгіе годы въ Европѣ вѣрили, что въ дѣйствіяхъ германскаго императора проявляются благія начала: миролюбіе и серьезная обдуманность.

Теперь, къ несчастью для Европы и, прежде всего, для самой Германіи, обликъ императора опредѣлился съ исчерпывающей ясностью.

Никакихъ преградъ для его честолюбія не существуетъ. Серьезность его—мнимая. Обдуманность дѣйствій—самообманъ.

Онъ взялъ на себя величайшую отвѣтственность—затопивъ въ крови всю Европу ради своего ненасытимаго честолюбія.

Вильгельмъ II германскій уйдетъ въ исторію съ недобрымъ именемъ. Его уже называли: императоромъ миролюбцемъ. Но обманъ разсѣялся. И цивилизованные народы съ содроганіемъ поняли, что современной Германіей правилъ и правитъ Вильгельмъ Кровавый. Кровавый безумецъ.

Убійцы.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ— ДУШЕВНОБОЛЬНОЙ.

Въ первые дни послѣ объявленія войны одинъ изъ видныхъ московскихъ психіатровъ разсказывалъ странную исторію, повѣданную

ему во время одного международнаго психіатрическаго съѣзда знаменитымъ иностраннымъ спеціалистомъ по душевнымъ болѣзнямъ. По словамъ этого ученаго, ему достовѣрно извѣстно, что германскій императоръ—не только человѣкъ съ неустойчивой психикой, но завѣдомый душевно-больной. По крайней мѣрѣ, однажды Вильгельмъ подвергся внезапному острому приступу психическаго разстройства. Характерно, что болѣзненный бредъ его выразился въ распоряженіяхъ, исходившихъ изъ бредовой тогда идеи о войнѣ Германіи съ Россіей и Франціей. Болѣзнь императора была тщательно скрыта. Два мѣсяца его лѣчили въ санаторіи. Для публики императоръ былъ боленъ вслѣдствіе несчастнаго случая: кажется, печатали объ ушибѣ колѣна...

Имѣетъ ли этотъ разсказъ фактическое основаніе, провѣрить трудно. Но ненормальность повелителя Германіи, ненормальность давняя, прирожденная, въ настоящее время устанавливается, между прочимъ, исключительно авторитетнымъ свидѣтельствомъ—посмертнымъ свидѣтельствомъ Чезаре Ломброзо, знаменитаго криминалиста-антрополога.

Мнѣніе свое о Вильгельмѣ, какъ о маньякѣ и ясно выраженномъ дегенератѣ съ пониженной сознательностью и отсутствіемъ нравственнаго чувства, Ломброзо высказалъ уже давно. Знаменитый ученый заинтересовался германскимъ императоромъ послѣ выхода собранія его рѣчей. Сопоставивъ эти противорѣчивыя, многоглаголивыя и исполненныя самообожанія рѣчи съ извѣстной непослѣдовательностью поступковъ императора, съ

Рѣчь кровàваго безумца:

„Помните, что вы — избранный народъ. Духъ Господень низошелъ на меня, какъ на императора германцевъ. Я—орудіе Всемогущаго. Я—Его мечъ и Его представитель. Горе и гибель противящимся моей волѣ. Горе и гибель невѣрующимъ въ мое назначеніе, горе и гибель всѣмъ трусамъ. Да погибнутъ въ позорѣ всѣ враги германскаго народа. Богъ требуетъ ихъ истребленія. Моими устами Богъ повелѣваетъ вамъ исполнить Его волю“.

его исключительной неблагодарностью, съ внѣшними рѣзко выраженными признаками вырожденія, Ломброзо пришелъ къ убѣжденію, что германскій престолъ занимаетъ больной человѣкъ: типичный маньякъ и дегенератъ.

Въ подтвержденіе такого діагноза Ломброзо указывалъ, во-первыхъ, на наслѣдственную болѣзнь императора, такъ-называемую болѣзнь Вильдермуѳа, происходящую отъ органической неправильности въ строеніи внѣшняго уха. По таблицамъ Фригеріо височно-ушной уголъ у нормальныхъ людей превышаетъ 90 градусовъ, у дегенератовъ не достигаетъ этой нормы. Какъ извѣстно, благодаря нескромности врача, височно-ушной уголъ у Вильгельма равенъ 68 градусамъ, что указываетъ на сильнѣйшее вырожденіе.

Психическіе признаки остраго вырожденія, обусловливающаго притупленіе нравственнаго чувства, т.-е. прирожденную преступность, налицо у императора Вильгельма.

„Чувство семейныхъ и общественныхъ привязанностей,—говоритъ о прирожденныхъ преступникахъ авторъ „Преступнаго человѣка“,—совершенно притупленное или шаткое у этихъ людей, замѣняется у нихъ другими душевными движеніями низшаго порядка, но чрезвычайно напряженными. Имъ свойственно прежде всего тщеславіе, или, точнѣе, чрезмѣрное чувство собственной цѣнности. Когда такіе люди лгутъ, крадутъ, поддѣлываютъ, даже убиваютъ, они остаются убѣжденными въ своей правотѣ; вину они переносятъ на своихъ жертвъ. Частная, но чрезвычайно характерная чер-

та острыхъ дегенератовъ, совершенно лишенныхъ нравственнаго чувства,—отвращеніе къ безнравственнымъ разсказамъ и къ повѣствованіямъ о преступленіяхъ. Типично и извращеніе религіозности у такихъ прирожденныхъ больныхъ; у нихъ свой Богъ, оправдывающій худшіе ихъ поступки и помогающій имъ въ ихъ преступленіяхъ. Далѣе, какъ слѣдствія изъ причины, вытекаютъ непослѣдовательность въ мысляхъ, рѣчахъ и поступкахъ.“

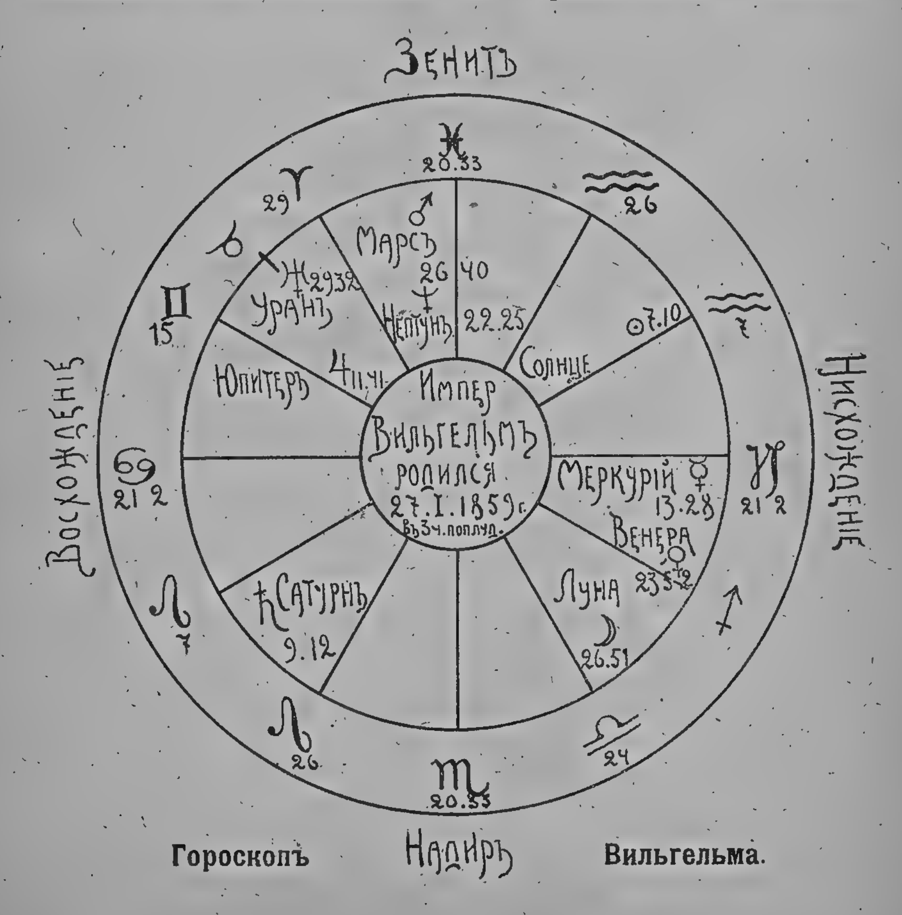
Строй психики Вильгельма съ пугающей точностью отвѣчаетъ этой теоретической схемѣ. Его отношенія съ отцомъ и съ матерью говорятъ объ отсутствіи чувства семейной связи. Общеизвѣстна его чудовищная неблагодарность; ее испытали Бисмаркъ, Гогенлоэ, Каприви, Бюловъ. Тщеславіе и переоцѣнка своихъ личныхъ дарованій и способностей носятъ у него рѣзко болѣзненный характеръ, переходя въ манію величія. Склонность къ оправданію всѣхъ своихъ поступковъ и обвиненію пострадавшихъ за нихъ выразилась за послѣднее время въ такихъ, напр., исключительныхъ фактахъ, какъ попытка перенести на бельгійскихъ женщинъ и дѣтей вину разгрома Лувена. Отношеніе Вильгельма къ Богу исключительно типично; всѣмъ памятенъ одинъ изъ его послѣднихъ приказовъ, гдѣ онъ обрисовываетъ образъ своего бога, покровителя Гогенцоллерновъ и германцевъ во всемъ, что бы они ни творили.

Таковъ психическій обликъ человѣка, залившаго въ своемъ безуміи кровью почти всю Европу.

СУДЬБА ВИЛЬГЕЛЬМА.

Лондонскій журналъ „Occult Messenger“ („Вѣстникъ Оккультизма“) даетъ слѣдующія любопытныя предсказанія о судьбѣ германскаго императора, сдѣланныя на основаніи его гороскопа.

„Императоръ скоро погибнетъ трагической смертью. Если бы онъ былъ знакомъ съ оккультнымъ знаніемъ, онъ никогда бы не выбралъ для начала войны, особенно съ Франціей и Россіей,

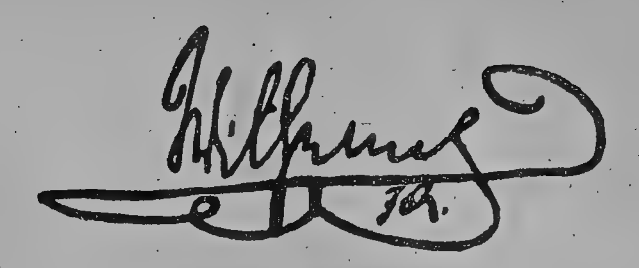
Гороскопъ Вильгельма.

такой роковой для него даты, какъ августъ 1914 года. Въ астрологіи знакъ Льва управляетъ судьбами Франціи, знакъ Водолея означаетъ Россію. Для Германіи сочетаніе созвѣздій въ этихъ знакахъ въ день объявленія войны означало финансовое раззореніе. Но еще ужаснѣе предсказаніе для императора. Его солнце находилось въ этотъ день въ восьмомъ домѣ (домѣ Смерти) Водолея; это сочетаніе созвѣздій означаетъ соціальное потрясеніе. Солнце императора было прямо противъ Сатурна, что предвѣщаетъ смуту, заговоры и измѣну. Германію постигнутъ ужасающія бѣдствія въ послѣдніе мѣсяцы декабря 1914 г. Императора ждутъ величайшія испытанія. Если онъ не попадетъ въ плѣнъ къ русскимъ войскамъ (на что указываетъ знакъ Водолея) или не покончитъ самоубійствомъ, онъ кончитъ свои дни въ домѣ умалишенныхъ.

Предсказаніе это сопровождается гороскопомъ императора, вѣроятно, очень убѣдительнымъ для людей, посвященныхъ въ тайны астрологіи, потому что другіе журналы, занимающіеся оккультными „науками“, перепечатали его.

Въ томъ же журналѣ воспроизведена подпись Вильгельма со слѣдующимъ опредѣленіемъ его характера по почерку.

„Подпись Вильгельма II краснорѣчиво отражаетъ національный характеръ тевтоновъ. Конецъ росчерка походитъ на взмахъ бича, изгибы начала росчерка подъ его именемъ говорятъ о горделивости. Буквы начертаны спѣшно и безпорядочно. Первая буква имени обличаетъ самонадѣянность и высокомѣріе. Въ общемъ подпись императора ри-

Подпись Вильгельма.

суетъ его человѣкомъ, склоннымъ къ далеко хватающимъ расчетамъ, человѣкомъ задорнымъ и не стѣсняющимся въ выборѣ средствъ борьбы, наконецъ, человѣкомъ крайне корыстолюбивымъ".

Третье предсказаніе — знаменитой „ясновидящей" — г-жи Тэбъ.

Она основываетъ свои выводы на линіяхъ руки императора.

Изучила она ихъ по гипсовому слѣпку, доставленному ей въ 1904 г. одной высокопоставленной дамой.

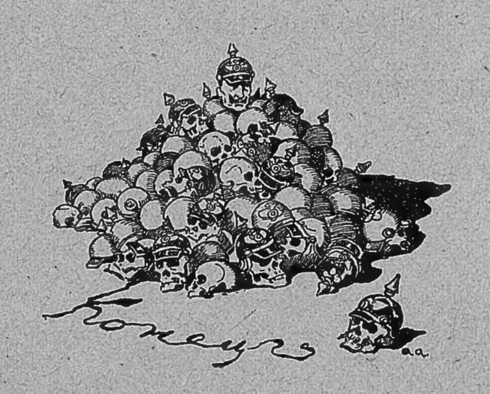

Тѣ, кого онъ шлетъ на смерть. „Не жалѣйте людей", приказалъ своимъ генераламъ кровавый императоръ.

„Линія головы, широкая, ясно выраженная, говоритъ о выдающемся умѣ, но въ то же время о пылкомъ воображеніи и неизмѣримой гордости. Въ концѣ второй трети эта линія рѣзко уклоняется внизъ къ холму луны, что, несомнѣнно, предвѣщаетъ безуміе“.

И она такъ заканчиваетъ свои предсказанія:

— Вильгельмъ II умретъ въ полномъ упадкѣ физическихъ и умственныхъ силъ. Сынъ его будетъ убитъ. И когда они погибнутъ, домъ Гогенцоллерновъ падетъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

13

15 коп.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„ЗАРЕВО“
МОСКВА, Б. Полянка, 54. Тел. 4-13-80.